

“ ... ”

Это прозвучало как предупреждение, но также и как совет. Лил хотела спросить, что он имел в виду под "глупым выбором", но прикусила язык из страха, что Эд даст правильный ответ. Хотя она просто сдерживала свои слова, уголки ее глаз потеплели, как будто она тоже сдерживала слезы.

"Я, должно быть, действительно не в своем уме..."

Лил тихо плакала в надежде, что Эд не заметит. Понемногу, чтобы не было слез, которые можно было бы вытереть.

"Ты меня слышал?"

“ ... ”

Она изо всех сил старалась не шмыгать носом. Если бы она издала такой подозрительный звук, Эд определенно заметил бы, поскольку их тела были так близко. Лил не хотела, чтобы он видел ее слезы, насморк или какие-либо следы покраснения на лице.

Ее печаль была рекой, в которой она в конце концов утонет. У нее не было другого выбора, кроме как погрузиться в место, из которого она никогда не могла сбежать. Для Лил в этом не было ничего нового.

"Капитан?"

“ ... ”

'Перестань звонить мне'.

Когда она тонула, то не могла издать ни звука. Она попыталась успокоиться, но не могла унять дрожь в груди, которая становилась все громче и громче. Бешено колотящееся сердце и прерывистое дыхание. Ее трясущиеся плечи, неспособные преодолеть печаль, чувствовались даже в пьяном состоянии. Когда она не смогла успокоить свое тело, Лил повернулась и обняла себя. Она хотела свернуться калачиком как можно меньше, чтобы никто не смог ее узнать.

Хотя она и не уверена, похоже, что Эд позвонил ей снова. Вместо ответа Лил продолжала повторять одно и то же предложение снова и снова.

'...Не звони мне, перестань звонить мне...'

Вскоре ее разум померк, как это обычно бывает, когда она сильно плачет. Лил все больше и больше забывала о том, была ли она подавлена своим опьянением, или ее тело тонуло в реке и теряло сознание...

Пальцы Эда, которые приблизились к ее круглым, изогнутым плечам, задержались. Он колебался, не зная, что делать с внезапно разрывающейся Лил. Его мучения достигли своего пика, и его рука десятки раз дернулась вперед и назад. Конечно, Лил хранила молчание. Она плачет, но ее криков не разобрать. Как человек, погребенный под водой. Вполне естественно, что он не мог слышать, как она кричала от всего сердца и души глубоко под поверхностью воды.

Не было слышно ни звука, ни движения, что делало ее еще более жалкой.

‘Сколько слез ты уже пролил, чтобы твое тело оставалось таким спокойным и безмолвным, когда ты погружаешься в печаль?’

Эд с горечью отдернул руку.

‘Комфорт без глубины будет не более чем помехой...’

Он оставил свою неуклюжую попытку утешения и откинулся на спинку стула лицом к морю. Волны были холодными и бушующими. Эд погрузился в шум волн, несущихся взад и вперед...

‘Как давно это было? Я постепенно начинаю беспокоиться о ней. Должно быть, прошло уже около получаса, но я не могу сказать, заснула ли она или все еще плачет, так как она не двигается.’

Эд мог догадаться о причине печали Лил, но ему не следовало вмешиваться слишком поспешно. Он хорошо знал о своей беспечной натуре. Кроме того, он еще не был достаточно близок с Лил. Несмотря на то, что она, казалось, немного открыла свой разум, было еще слишком рано, поскольку она не потеряла бдительность полностью. Однако Эд начал беспокоиться о температуре тела Лил, если он оставит ее в таком состоянии. Поэтому он решил выдумать ложь.

“Капитан, сейчас прилив. Ты промочишь ноги, если останешься в таком состоянии еще немного.”

“...”

Не получив никакой реакции, оказалось, что прошло еще десять минут. Все это время Эд смотрел на подол рубашки Лил, колышущийся на ветру. Ее спина казалась чрезвычайно узкой.

На ней была рубашка, которая была больше, чем размер ее тела, но вместо того, чтобы скрывать ее тело, она подчеркивала его. Ее тонкие руки оставляли рукава почти пустыми, отчего она выглядела еще более миниатюрной.

Прикосновение ночи погладило жалкую женщину, похожую на заброшенную картину, оставленную в ателье.

Ночь была нарисована черными мазками кисти, покрывая холст в полной темноте. Горсть звезд была брошена на картину, создавая плотную вспышку света. Это был не чистый белый цвет, скорее более тусклый цвет слоновой кости, который бесконечно падал на бескрайнее ночное небо, изящно нанесенный мягким кончиком кисти.

‘Это такой простой образ, так почему же он такой грустный? Я чувствую, как область вокруг моей груди напрягается, когда я смотрю на нее.’

Эд моргнул и покачал головой, когда Лил, похожая на точку, оставленную кисточкой, вздрогнула.

“Капитан?”

“...”

Эд встал на колени и пополз к одинокой картине. Только когда он подошел совсем близко, то смог разглядеть ее профиль. Сначала он не был уверен в том, что он видел из-за темноты, но ее черные волосы развевались над ее лицом. Эд наклонил свой торс и проверил ее тихое дыхание. Ее регулярное, короткое дыхание указывало на то, что она, казалось, спала. Затем он нежно собрал ее развевающиеся волосы и перебросил их через ее сморщенное плечо.

“Капитан”.

“...”

Казалось, она действительно заснула. В противном случае, такой уровень близости не был бы разрешен, если бы она не спала. Эд задержал взгляд на ее спокойном лице, пока сам не потерял некоторое чувство реальности. Благодаря гармонии замысловатых изгибов ее красивое лицо было почти идеальным. Однако теперь, когда он увидел ужасное страдание, которое она таила в себе, Эд больше не мог видеть в Лил просто объект восхищения.

Эд и Лил разделили одно и то же путешествие. Но Эду никогда не препятствовали в его поисках просветления, чего он теперь считал истиной. Многочисленные книги и свидетельства, прошедшие через его руки, а также исторические материалы и устные традиции, восходящие к древним временам, сформировали его таким, каким он является сегодня. Однако, как сказала Лил, она никогда не получала формального образования, кроме

женского гуманитарного, и, похоже, ей не разрешали читать то, что она хотела.

Эд не знал, что это за осознание, режущее кости и плоть, пока Лил, у которой в руках не было никаких осязаемых доказательств, не использовала слово "самоочевидное" для обозначения всего, во что она верила.

‘Для нее невозможно говорить самоочевидно из ничего....Проблема, возможно, началась там, человек, который говорит так же естественно, как дышит, жил на протяжении всей истории без каких-либо слов. Убежденность человека могла с каждым днем становиться все больше, но сказать было нечего. Я даже не могу понять, какую противоречивую муку несет в себе Лилоа. Я не уверен, должен ли я считать ее счастливой или жалкой из-за того, что она еще не сошла с ума. Можно ли вообще назвать удачей оставаться в здравом уме, проходя через такой ад?’

У Эда также был опыт поднятия своего флага на горном пике истины, которого он наконец достиг после долгого путешествия. Он взревел от радости, когда покорил вершину, которой раньше никто не достигал.

"Я чувствовал, что мое тело взорвется, если я не выкрикну это где-нибудь вслух. Но Лилоа неподвижна, слишком неподвижна. Возможно, потому, что ее семена были тайно посеяны в земле, где их не следовало сеять. Вот почему она чрезмерно осторожна, стойка и немного неуклюжа. И хотя Лилоа заслужила право кричать и испытывать еще больший восторг, сейчас она выглядит так, как если бы была безымянным исследователем, вернувшимся без метки, и поэтому это будет рассматриваться так, как если бы она вообще никогда не поднималась на самую высокую вершину.

На самом деле, я удивлен, что Лилоа все еще такая, даже после того, как стала капитаном пиратов. Я могу предположить, что это терпение, вероятно, является привычкой из ее прошлой жизни, потому что у Лил Швайц нет причин быть связанной каким-либо терпением. Но, глядя на Лилоа, она все еще терпит...’

Он мало что мог привести в качестве причины, поэтому Эд выбрал единственного человека, который связан с прошлым и настоящим Лил.

‘Капитан Лемуан’.

Эд точно не знал, почему Лил и Сезар были вместе. Он даже не знал, был ли Сезар причастен к инциденту, который вызвал слух о том, что Лил "мертва или пропала без вести". Тем не менее, что он действительно знает, так это то, что в этой ситуации именно Сезар стоит за застоем Лил.

‘Меня расстраивает, что я еще не знаю всей истории, но если я покопаюсь еще немного, то, возможно, узнаю. Должен ли я разбудить ее?’

Как только он подумал об этом, послышался шорох песка. Было трудно скрыть звук шагов на

песчаном пляже. Эд посмотрел на своего приближающегося противника. По словам тени, это был сильный человек, идущий с ужасающей скоростью. Он даже мог слышать дыхание кого-то, кто явно был зол. Не было никакой необходимости угадывать личность этого человека. Эд вскочил в ожидании летящего в него кулака, однако Сезар только заскрежетал зубами, как разъяренный зверь.

“Что ты делаешь?!”

<http://tl.rulate.ru/book/69952/2543080>